Тифлисский листок" 1892, 9 июня № 131

с. 3

потому что разъ демоны плачутъ то людямъ на землѣ живется хорошо.

Н. У—ъ.

(„Вѣр. Вѣд.").

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Шедшая 5-го іюня, въ бенефисъ В. Н. Давыдова, пьеса Чехова „Ивановъ" многимъ изъ публики не понравилась; нашлись даже лица, признавшія ее скучною. Съ этимъ положительно нельзя согласиться. Правда, пьеса эта не „бенефисная", ее называетъ; ея главный герой—вовсе не герой, а просто обыкновенный дюжинный человѣкъ; но въ томъ-то и заключается особенность пьесы, что она изображаетъ жизнь такъ, какъ она есть, во всей правдивости и обыденности, не даромъ и названіе дано ей самое обыкновенное—Ивановъ.

Выхвативъ живымъ уголкомъ глухой провинціи, Чеховъ цѣликомъ перенесъ его на сцену со всѣми равновѣдностями его обитателей. Это все представители будничной прозы, ничѣмъ не выдающіеся люди, погрязшіе каждый въ своемъ любимомъ порокѣ, который сталъ ихъ отличительнымъ признакомъ. Ивановъ выдѣляется между ними только тѣмъ, что ему чужды эти пороки. Не будучи исключительной натурой, не обладая какой-нибудь крупной добродѣтелью, или рѣзкими чертами характера, онъ въ то же время не свободенъ отрицательными свойствами, присущими его средѣ. Въ добавокъ жизнь его сложилась нѣсколько оригинально и, благодаря этой оригинальности, между нимъ и средой существуетъ постоянное разногласіе, которое, вслѣдствіе взаимнаго непониманія, въ концѣ-концовъ, переходитъ въ прямой антагонизмъ. Онъ женится на еврейкѣ, приносящей ему въ жертву прежнюю вѣру и кровныя связи, и женится по любви; а провинція видитъ въ этой женитьбѣ лишь корыстную цѣль завладѣть ея приданымъ. Онъ разочаровается, увлекшись новоиспеченными въ хозяйствѣ и благодаря чрезмѣрной доверчивости; а провинція видитъ въ этомъ неудавшіяся спекуляція. Онъ изнемогаетъ отъ неудачъ, слишкомъ тяжкихъ для его дюжинной натуры; болѣетъ душевно, ищетъ нравственной поддержки и, не находя ея ни въ комъ, начинаетъ питать какое-то неопредѣленное чувство къ дочери своего стараго пріятеля и сосѣда, лишенной исключительной во уму и развитію, которая любитъ и мечтаетъ спасти его. Онъ охладѣваетъ къ умирающей отъ чахотки женѣ, хорошей, но жалкой женщинѣ, не только не способной ободрить его, а наоборотъ растравляющей его нервы. Со стороны Иванова отношенія его къ дочери сосѣда—не увлеченіе, не новая страсть—сильныя чувства ему недоступны—а просто нѣкоторый нравственный рессурсъ. Больная жена случайно узнаетъ объ этихъ отношеніяхъ, она умираетъ бросивъ, передъ смертью, въ лицо Иванова упрекъ, который твердитъ вся провинція, будто-бы онъ, не получивъ приданаго отъ евреевъ, родителей жены, добивается ея смерти, чтобы вознаградить себя деньгами богатой дочери сосѣда. Всѣ эти недоброжелательства, упорное непониманіе и гнусные упреки, фактически опровергнуть которыхъ онъ не въ состояніи, доводятъ его сначала до изступленія, и потомъ и до самоубійства.

Будь Ивановъ настоящимъ театральнымъ героемъ, автору пришлось-бы, конечно, изобрѣсти что-нибудь болѣе удивительное для его уничтоженія; но Чеховъ въ своей драмѣ, повторяемъ, имѣетъ дѣло лишь съ обыкновенными людьми, онъ пишетъ